

ПАРАДИГМА КУРУЛТАЯ И ТРАЙБАЛИЗМ

А.К. Илебаева

Устанавливаются общие моменты между курултаем, как общественно-политическим и правовым институтом кочевнического социума, и трибализмом. Также определяется роль курултая в постномадическом обществе. Рассмотрен генезис и эволюция курултая в кочевых сообществах, возрождение данного феномена в формате этнического ренессанса в странах Центральной Азии. Дается обоснованная критика отождествления трибализма постномадов с этнорегионализмом оседлых этносов. Выявлена причина архаизации общественного сознания постномадов в контексте трибализма, заключающаяся в глубоком всестороннем, системном кризисе в транзитный период от советской системы к новым постсоветским демократическим, рыночным реалиям. Дается интерпретация первоначального постсоветского формата курултая как общественного института, нацеленного на выражение интересов основных племенных групп кыргызского народа. Показана закономерная трансформация трибового курултая в современный общенародный курултай. Констатируется возникновение классово-противоречивого, демократического общества вместе с утверждением капиталистических рыночных принципов в экономике современного Кыргызстана.

Ключевые слова: курултай; народный курултай; триб; трибализм; номады; постномады; оседлые этносы; архаизация; этнизация; этнорегионализм.

КУРУЛТАЙ ПАРАДИГМАСЫ ЖАНА ТРАЙБАЛИЗМ

А.К. Илебаева

Макалада номаддык социумдун коомдук-саясий жана укуктук институту катары курултай менен трибализмдин ортосундагы жалпы учурлар такталган. Ошондой эле, постномаддык коомдогу курултайдын ролу аныкталган. Көчмөн коомдогу курултайдын генезиси менен эволюциясы, аталган феномендин Борбордук Азия өлкөлөрүндөгү этникалык ренессанстын форматында кайра жаралуусу каралды. Постномаддардын трибализмин отурукташкан этностордун этнорегионализми менен жакындаштырууга карата негизделген сын пикир берилет. Советтик системадан жаны постсоветтик демократиялык, базардык чындыкка болгон транзиттик мезгилдеги терең ар тараптуу, системалык кризисте турган трибализмдин алкагындагы постномаддардын коомдук ансезимин архаикалаштыруу себеби аныкталды. Кыргыз элинин негизги уруулук топторунун кызыкчылыктарын чагылдырууга багытталган коомдук институт катары курултайдын баштапкы постсоветтик форматына түшүндүрмө берилет. Уруулук курултайдын заманбап жалпы элдик курултайга мыйзамченемдүү трансформациялануусу көрсөтүлдү. Азыркы Кыргызстандын экономикасындагы капиталистик базардык принциптердин бекемделүүсү менен бирге таптык-карама-каршы, демократиялык коомдун пайда болуусу белгиленет.

Түйүндүү сөздөр: курултай; элдик курултай; триб; трибализм; номаддар; постномаддар; отурукташкан этностор; архаикалаштыруу; этникалаштыруу; этнорегионализм.

THE KURULTAI PARADIGM AND TRIBALISM

A.K. Ilybaeva

The article is written in order to clarify the common points between the kurultai, as a socio-political and legal institution of nomadic society, and tribalism, as well as to determine the role of the kurultai in post-nomadic society. The genesis and evolution of the kurultai in nomadic communities, the revival of this phenomenon in the format of an ethnic renaissance in the countries of Central Asia are considered. A well-founded critique of the identification of post-Nomadic tribalism with the ethnoregionalism of settled ethnic groups is given. The author reveals the reason for the archaization of the post-nomad social consciousness in the context of tribalism, which consists in a deep, comprehensive, systemic crisis in the transit period from the Soviet system to the new post-Soviet democratic, market realities. The author interprets the original post-Soviet format of the kurultai as a public institution aimed at expressing the interests of the main tribal groups of the Kyrgyz people. The natural transformation of the tribal kurultai into the modern national kurultai is shown. The author states the emergence of a class-contradictory, democratic society together with the establishment of capitalist market principles in the economy of modern Kyrgyzstan.

Keywords: kurultai; folk kurultai; tribalism; nomads; post-nomads; settled ethnic groups; archaization; ethnization; ethnoregionalism.

Актуальность и злободневность темы статьи объясняется широкой дискуссией о роли и месте народного курултая в системе государственного управления сегодняшнего Кыргызстана. Особую остроту эти споры приобрели в период работы Конституционного совещания. Для нашего исследования конституционный статус народного курултая имеет второстепенное значение, тем более он уже определён как совещательный орган при президенте Кыргызстана в проекте новой Конституции Кыргызской Республики, поддержанном большинством кыргызстанского электората на апрельском референдуме 2021 года. Главный аспект нашего исследования – выявить значимость трайбовой парадигмы в контенте народного курултая. Тем более, что после подписания новой Конституции Республики главой страны, возникнет необходимость разработки и принятия закона Кыргызстана «О Народном курултае». И опять начнутся дискуссии по роли, месту и функциям народного курултая. Сторонники трайбовой интерпретации сегодняшней парадигмы курултая будут настаивать на акцентировании интересов племенных субэтносов кыргызов вопреки достижению общегражданского согласия и консолидации. Поэтому необходимо определить современную составляющую трайбовых интересов в деятельности народного курултая, исходя из сегодняшних реалий.

Данная цель может быть реализована решением ряда задач, таких как выяснение роли трайбализма в деятельности курултая в традиционном кыргызском социуме, размежевание понятий «трайбализм» и «этнорегионализм», анализ трансформации традиционного, трайбового контента курултая в общегражданский формат народного курултая, отражающего интересы всех социальных, этнических, демографических и профессиональных групп населения республики. При написании статьи были использованы труды отечественных и центральноазиатских обществоведов о проблеме трайбализма и курултая.

Курултай в традиционном обществе кочевников являлся важнейшим инструментом и механизмом правящего элитного слоя для решения стратегических проблем государственного устройства, нигилизации и примирения межтрайбовых противоречий и согласования консолидационных усилий родов и племён по

реакции на внешние угрозы. Курултай широко использовался в политической практике тюрко-монгольских союзов, конфедераций и кочевых государств. Традиционно курултай собирал племенных вождей и родоначальников трайбов, входящих в тот или иной протогосударственный или государственный номадический союз.

В Википедии под курултаем (монг. Хулдай, Хурал) понимается исторический съезд всех монгольских и тюркских князей и знати, орган народного представительства у монгольских (в Монголии, Бурятии, Калмыкии) и некоторых тюркских народов (ногайцев, башкир, казахов, кыргызов, крымских тата, тувинцев, алтайцев), всенародный съезд знати для решения важнейших государственных вопросов, в определённой степени – аналог европейских парламентов (как, например, Курултай Республики Башкортостан) [1].

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что курултай является порождением традиционных межплеменных и межродовых отношений, господствовавших в кочевом социуме. Вследствие этого необходимо при анализе феноменов трайбализма и курултая в первую очередь рассмотреть трайбалистскую парадигму. Она особенно ярко проявлялась в этнической истории кыргызского народа и реанимируется в сегодняшних реалиях суверенизации Кыргызстана.

В своём этническом развитии кыргызский народ опирался на союз и консолидацию родов и племён, объединившихся в три субэтнических подразделения: «он», «сол» и «ичкилик». По мнению А.К. Джусупбекова и М. Кыдыралиевой, «трайбализм в патриархальном обществе обладает огромным потенциалом дезинтеграции этноса, когда те или иные этнические общности (народности, конфедерации племен, племена и роды) распадаются на более мелкие этнические образования, автономные этнические элементы. Но при этом трайбализм, особенно в условиях номадизма, межэтнических и внутриэтнических войн и конфликтов, борьбы за власть родоначальников, ухудшения природно-климатических условий для владения скотоводством, ухудшения уровня жизни кочевников, является мощным защитным механизмом, своего рода, крепостью для физического выживания кочевников» [2, с. 8].

Дж. Джунушалиев, рассматривая роль трайбализма, делает следующий вывод: «Кыргызский трайбализм присущ внутритрайбовым консолидациям, но в рамках народности, он способствовал разъединению, дроблению, дезинтеграции. То есть существовали и противоположные интересы и противоречия между общенародными и родоплеменными ценностями и потребностями» [3, с. 258–270].

Альтернативную позицию о значении трайбализма высказывает А.Б. Болпонова: «Серьезные аналитики часто путают понятия «этничность» и «tribe», утверждая при этом, что «трайбализм» есть высшее проявление этнического конфликта. На наш взгляд, ошибочно само предположение, что трайбализм играет исключительно конфликтную роль в политической жизни государства. В современном мире, где родоплеменное самосознание существует в разнообразных формах, нет никакого основания приравнивать его к склонности к конфликту или патерналистскому типу государственности» [4, с. 52–53].

Актуальность и злободневность исследования трайбализма связана с этническим ренессансом, происходящим на постсоветском пространстве. А возрождение трайбализма как важнейшего компонента внутриэтнического ренессанса характерна только лишь для постнационалистических сообществ.

Так, А.А. Клинецов утверждает следующее: «Трайбализм остается одним из важнейших атрибутов государственности и общественной жизни в постсоветских государствах Центральной Азии, и это не подвергается сомнению ни зарубежными, ни российскими, ни центрально-азиатскими политологами» [5, с. 52–53].

Об особой роли трайбализма в постсоветскую эпоху пишут Е.М. Абенев, Е.М. Арынов и И.Н. Тасмагамбетов: «Трайбализм – это, прежде всего, сохраняющиеся архаичные институты и организации, связанные с родоплеменным строем, архаичность социального развития, низкий уровень этнических процессов, враждебное отношение одной этнической группы к другой, этношовинистическая политика, направленная на предоставление льгот и привилегий определенной этнической группе в целом или ее представителям, использование этнического фактора в политических целях» [6, с. 10].

Действительно для кочевников и посткочевников Центральной Азии, к которым относятся кыргызская, туркменская и казахская популяции, в своей истории и в постсоветский период характерны трайбалистские традиции, ценности и идентичности. Трайбализм в современных кризисных условиях выполняет защитные функции выживания посткочевников. Но среди ученых бытуют расширенные представления о наличии трайбализма среди оседлых этносов даже в постсоветские годы: «В Таджикистане трайбализм является «оседлым» и поэтому более «земляческим» по своему характеру, чем «родоплеменным». Гражданская война 1990 г. отчетливо показала гетерогенность и значительность трайбальных корней в жизнедеятельности населения страны, где северные и южные таджики, жители равнин и горцы. «Чистыми» таджиками в стране считают памирцев, каратегинцев, дарвазцев – древнейших аборигенов Таджикистана. «Не чистыми» – «кулябцев» и «худжандцев», которые более других смешивались с тюрками. В «оседлом» Узбекистане ситуация с трайбализмом схожа с таджикской, здесь он тоже имеет «земляческий» (клановый, региональный) характер» [7].

А.К. Джусупбеков и М. Кыдыралиева не согласны с данным автором по вопросу существования трайбализма в современном Узбекистане и Таджикистане. Они указывают на следующие обстоятельства: «А.А. Клинецов называет этнорегионализм традиционно оседлых народов Центральной Азии «оседлым, земляческим» трайбализмом. Исходя из данной позиции, таким же образом этнорегионализм восточнославянских народов – русских, украинцев, белорусов – также следует называть «оседлым, земляческим» трайбализмом. Как известно, традиционно оседлая, земледельческая, городская культура узбеков, таджиков, уйгуров Центральной Азии имеет не менее богатую многовековую историю, чем у восточно-европейских славян» [2, с. 23].

На наш взгляд, А.А. Клинецов, расширенно трактуя трайбализм, отождествляет его с этнорегионализмом. А это совершенно другое понятие по мнению Дж. Тольбашиевой: «Этнорегионализм является универсальным феноменом, в той или иной степени характерным для всех как развитых, так и неразвитых государств. Он играет особую роль в транзитный период, когда

рушатся традиционные идентичности и идёт поиск новых и конструирование искусственных самосознаний. Базисом этнорегионализма является внутренняя целостность, самобытность региона, географическая, историко-культурная общность местного населения, особенности культуры и типа хозяйствования» [8, с.159–160].

Архаизация сознания постномадических этносов, спровоцированная кризисами постсоветского транзитного периода, возродила такое социальное явление, как трайбализм. А его важнейшим политико-правовым институтом являлся курултай. Совершенно справедливо отмечает Б.Б. Борубашев: «Кыргызы, жившие в условиях кочевой жизни, идее государственности предпочитали идею союза племен на равных началах и с абсолютной внутренней автономией, основой организации и высшей властью союза племен были курултаи. Курултаю такого союза племен делегировались государственные функции, в основном военные, сбор налогов, судебная и реализовывались на основе общего для всех племен обычного права (адат)... раньше курултаи проводились регулярно, и они имели различные формы: курултаи всего населения региона; курултаи административных органов общественного самоуправления; курултаи кыргызских биев» [9, с. 1, 5].

В постсоветский период курултай начал формироваться как консолидационный общественный институт, объединяющий представителей кыргызских племён. В стихийном формате стали возникать некоммерческие общественные организации, позиционирующие себя как гражданские структуры, выражающие интересы тех или иных племён в завуалированной форме. Практически все кыргызские племена в постсоветский период создали и учредили свои общественные организации. Курултай претендовал на конфедеративность своей парадигмой, консолидирующей весь комплекс этих НКО. Впоследствии тренд современности вынудил родоплеменной формат курултая трансформироваться в модель народного курултая, представляющего интересы не только кыргызских племён, но и других этнических групп, а также граждан в основных стративных подразделениях кыргызского общества, таких как женщины, молодёжь, бизнес-сообщества, пенсионерские, ветеранские, профсоюзные, творческие организации.

На наш взгляд, организаторы и лидеры первого постсоветского, трайбового формата нацелены на приоритетную, доминирующую роль племенных НКО в структуре народного курултая. В связи с этим считаем необходимым привести следующую оценку Г. Исаковой характера и содержания общественных дискуссий о курултае: «Существуют разные мнения относительно места и роли курултаев в политической системе не только внутри общества, но даже внутри членов рабочей группы при Президенте Кыргызстана по реализации положений Конституции о курултаях. Кто-то из сторонников курултаев во время курултая в апреле 2019 года зашёл так далеко, что выступил за «отказ от демократических ценностей, которые... себя не оправдали в независимости». Утверждается, что «эти ценности чужды» нам и «необходимо возвращаться к своим исконным корням, возрождать традиционные институты управления и ценностей». На том же мероприятии другой сторонник перечислил представителей разных кыргызских родов, присутствующих на курултае в Бишкеке, подразумевая этим родоплеменную природу курултая. Даже делаются заявления о том, что «курултай – путь спасения страны»» [10, с. 1].

К тридцатилетию независимости Кыргызстана прошёл полный транзит от командно-административной системы с плановой экономикой к демократическому социуму, основывающемуся на рыночных принципах экономического развития с активным гражданским сектором. Нельзя не отметить глубокое проникновение глобализационных процессов: вестернизации, исламизации, цифровизации и др. процессов во все сферы в Кыргызстане. С другой стороны, определённое влияние на общественное развитие оказывает этнический ренессанс, в том числе возрождение трайбовых интересов, ценностей, традиций и идентичности.

Октябрьские события 2020 года показали, что демократизация общества и капитализация экономики стали доминирующим трендом над тенденцией этнизации, включая формат этнорегионализации и трайбализма. Независимо от родоплеменной принадлежности и этнорегионального происхождения граждане Кыргызстана поддержали повестку С. Жапарова, нацеленного на достижение социальной справедливости путём возвращения в бюджет незаконно

присвоенных частью элиты финансовых и материальных ресурсов [11, с. 23]. Это свидетельствует о формировании капиталистической системы с антагонистической, классовой структурой, дифференциацией кыргызстанской популяции на небольшую часть имущих граждан, сконцентрировавших в своих руках львиную долю национального богатства и подавляющую часть населения, существующего в режиме выживания. В данной атмосфере курултай не может осуществлять свои функции преимущественно в трайбовом и этнонациональном формате, он должен выражать интересы всего гражданского общества и его многочисленных социальных слоёв – демографических, этнических, профессиональных групп населения.

Анализ взаимосвязей социального явления трайбализма и политико-правового института курултая позволяет сделать следующие выводы:

- курултай является порождением традиционных межплеменных и межродовых отношений, господствовавших в кочевом социуме;
- актуальность и злободневность исследования трайбализма связана с этническим ренессансом, происходящим на постсоветском пространстве; а возрождение трайбализма как важнейшего компонента внутриэтнического ренессанса характерно только лишь для постнационалистических сообществ;
- архаизация сознания постнационалистических этносов, спровоцированная кризисами постсоветского транзитного периода, возродила трайбализм. А его важнейшим политико-правовым институтом являлся курултай;
- в постсоветский период курултай начал формироваться как консолидационный общественный институт, объединяющий представителей кыргызских племён. В стихийном формате стали возникать некоммерческие общественные организации, позиционирующие себя как гражданские структуры, выражающие интересы тех или иных племён в завуалированной форме;
- закономерным является трансформация трайбового контента первоначального постсоветского формата курултая в модель народного курултая, основывающегося на выражении интересов всего гражданского

общества в посттранзитный период от командно-административной системы с плановой экономикой к демократическому социуму, основывающемуся на рыночных принципах экономического развития с активным гражданским сектором.

Литература

1. Курултай – Википедия. <https://url.ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 16.04.2021).
2. *Джусупбеков А.К.* Трайбализм постномадов / А.К. Джусупбеков, М. Кыдыралиева. Бишкек, 2017.
3. *Джунушалиев Дж.* Традиционный общественный строй и культура быта кыргызов / Дж. Джунушалиев // Цивилизация скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд – Бишкек, 2005.
4. *Болпонова А.Б.* История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XX вв.) / А.Б. Болпонова. Бишкек: Махprint, 2013.
5. *Клинцов А.А.* Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии / А.А. Клинцов; под ред. П.П. Литвинова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008.
6. *Абенов Е.М.* Казахстан: эволюция государства и общества / Е.М. Абенов, Е.М. Арынов, И.Н. Тасмагамбетов. Алматы, 1996.
7. *Клинцов А.А.* Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии / А.А. Клинцов. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. Бишкек, 2017.
8. *Тольбашиева Дж.У.* Этнорегионализм в Кыргызстане / Дж.У. Тольбашиева. Бишкек: Махprint, 2020.
9. *Борубашев Б.* URL: <https://url.aigine.kg> (дата обращения: 17.04.2021).
10. *Исакова Г.Т.* Выборы и демократия в Кыргызстане: конституционный дизайн президентско-парламентских отношений / Г.Т. Исакова. Бишкек, 2003.
11. *Джусупбеков А.К.* Этнополитические процессы в современном Кыргызстане / А.К. Джусупбеков Бишкек: Махprint, 2020.